



DOI: 10.18503/1992-0431-2020-4-70-157–184

КЕЙНЕ КИШМАН/КУШМЕЙХАН – КРЕПОСТЬ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ МЕРВСКОГО ОАЗИСА: ОТ АХЕМЕНИДОВ ДО АРАБСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

В.А. Гаибов

Институт археологии РАН, Москва, Россия
gaibov@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется впечатляющая группа руин на северо-восточной окраине Мервского оазиса (Маргиана античных авторов, совр. Марыйский велаят Туркменистана), объединяющая несколько разновременных и разнородных памятников и в настоящее время известная под названием Кейне Кишман (средневековый Кушмейхан). Сплошное археологическое обследование данного района, проведенное маршрутными группами Среднеазиатской археологической экспедиции ИА АН СССР (РАН) в 80-ые и начале 90-ых годов прошлого века, позволило восстановить следующую картину динамики развития этого «микрооазиса». Первое укрепленное поселение в этом районе появляется в конце ахеменидского периода, вероятно, в качестве передового поста в восточной части Мервского оазиса. В начале эллинистического периода оно продолжало функционировать, «обрастая» новыми укреплениями. Однако в какой-то момент происходит упадок поселения, его территория уменьшилась и укрепления были заброшены. Постепенное возрождение жизни на памятнике и в его округе наблюдается в следующий, раннепарфянский период. В позднепарфянский – раннесасанидский период жизнь в регионе активизируется; строится крепость с новым поселением вокруг нее. В позднепарфянский период крепость и поселение продолжают функционировать, к югу от них возводится большой замок с прилегающим поселением. В раннеарабский период (VIII–IX вв.) крепость уже заброшена, а замок перестроен во «внутренний город» с примыкающим к нему большим поселением. В X в. возводятся новые внешние стены, опоясывающие всю городскую территорию. Город растет и развивается, но в XI веке он стремительно приходит в упадок, вероятно, в результате «огузского нашествия».

Ключевые слова: Мервский оазис, Маргиана, фортификация, Кейне Кишман, Арата, Кушмейхан

С 1980 по 2003 г. (с небольшими перерывами) Среднеазиатская экспедиция Института археологии АН СССР (ИА АН СССР, с 1991 г. ИА РАН – далее САЭ) проводила широкомасштабные археологические исследования на терри-

Данные об авторе: Гаибов Васиф Абидович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН.

Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Археологические культуры евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (AAAA-A18-118011790093-2).

тории Мервского оазиса (Маргиана античных авторов; совр. Марыйский велаят Туркменистана). Основной целью экспедиции было составление сводной карты археологических памятников дельты Мургаба от эпохи раннего железного века до позднего средневековья (время монгольского завоевания).

В предыдущих статьях, посвященных работам экспедиции в рамках данного проекта¹, достаточно подробно были изложены цели, задачи и методика работ, были отмечены также общие черты и особенности, характерные для памятников этого региона. Самым важным, пожалуй, наблюдением, сделанным уже в начале работ, стал вывод о том, что здесь, как правило, не фиксировались памятники, расположенные изолированно. Подавляющее большинство археологических объектов объединялись в группы (кластеры, «микрооазисы»), каждая из которых занимала ограниченную территорию и пространственно была отделена от другой группы памятников. Располагались они на различных протоках дельты Мургаба или выведенных из них больших и малых каналах². Каждая такая группа, как правило, состояла из разновременных памятников и переживала довольно сложную эволюцию. Еще одной особенностью археологических памятников Мервского оазиса (особенно на его северной периферии) является то, что почти все они многослойны, включая в себя остатки от парфянского (иногда селевкидского и ахеменидского) времени до монгольского завоевания.

Одним из таких микрооазисов, объединяющих несколько разновременных и разнородных памятников, является впечатляющая группа руин на северо-восточной окраине Мервского оазиса, в настоящее время известная под названием Кёйне Кишман. В литературе упоминается также под названиями Дингли-Кишман, Старый Кишман, Кишман-депе восточный. В настоящее время район Кёйне Кишман с севера и с востока окружен песками пустыни Каракум. Местоположение GPS: 37°55'30.14» С, 62°12'33.25» В (UTM 41S 430501.31 В, 4197790 С) (рис. 1; 2). Ближайший к нему памятник, центр другого микрооазиса, Улы Кишман (известный также как Тязе Кишман, Большой Кишман, Кишман-депе западный), расположен в 9 км к западу от района Кёйне Кишман.

Впервые памятник был зафиксирован любителем древностей инженером П.М. Лессаром³ в 1882 г., который побывал на нем и отметил некоторые руины, находящиеся на его территории. Он считал памятник очень древним, впрочем, не пытаясь уточнить дату.

В.А. Жуковский, который сам не посещал памятника, на основании описания Лессара и данных древних дорожников с указанием расстояний от Мерва отождествил его со средневековым Кушмейханом, известным по целому ряду упоминаемых средневековых авторов⁴. Это отождествление впоследствии было признано правильным⁵.

В 1903 и 1904 гг. в Маргиане работала американская экспедиция под руководством Р. Пампелли, проводившая разведку и небольшие раскопки. Сотрудник этой экспедиции Э. Хантингтон в 1904 г., работая на севере Мервского оазиса, побывал

¹ Гаилов 2018, 157–169; 2018, 197–215; 2019, 33–52.

² Гаилов, Кошеленко 2000, 50–51.

³ Лессар 1884, 79.

⁴ Жуковский 1894, 42.

⁵ Массон 1966, 86.



Рис. 1. Кёйне Кишман. Космоснимок. Съемка 2019 г.
Fig. 1. Kuyune Kishman. Space photo. Shooting 2019

и на данном памятнике. Он назвал его Восточным Кишман-тепе. Центральное деге он относил к «III классу курганов высокоразвитого типа»⁶ (по собственной классификации автора). На таблицах книги представлены фотографии деге и «башни» (минарета), а также планы и профиль центрального деге⁷. Памятник датирован им довольно неопределенно: он относил его «к той же самой эпохе, что и Гяур-кала в Старом Мерве».

Лишь через более чем сорок лет, в 1946 г., С.А. Вязигин (руководитель IV отряда ЮТАКЭ), изучая так называемую «стену Антиоха», посетил и руины Кёйне Кишмана, который он называл Кишман-тепе⁸. Им были сделаны следующие наблюдения. Он определяет памятник как развалины укрепленного города с цита-

⁶ Huntington 1908, 226.

⁷ Huntington 1908, pl. 58, № 1,2; pl. 60, № 23.

⁸ Вязигин 1949, 267–270.

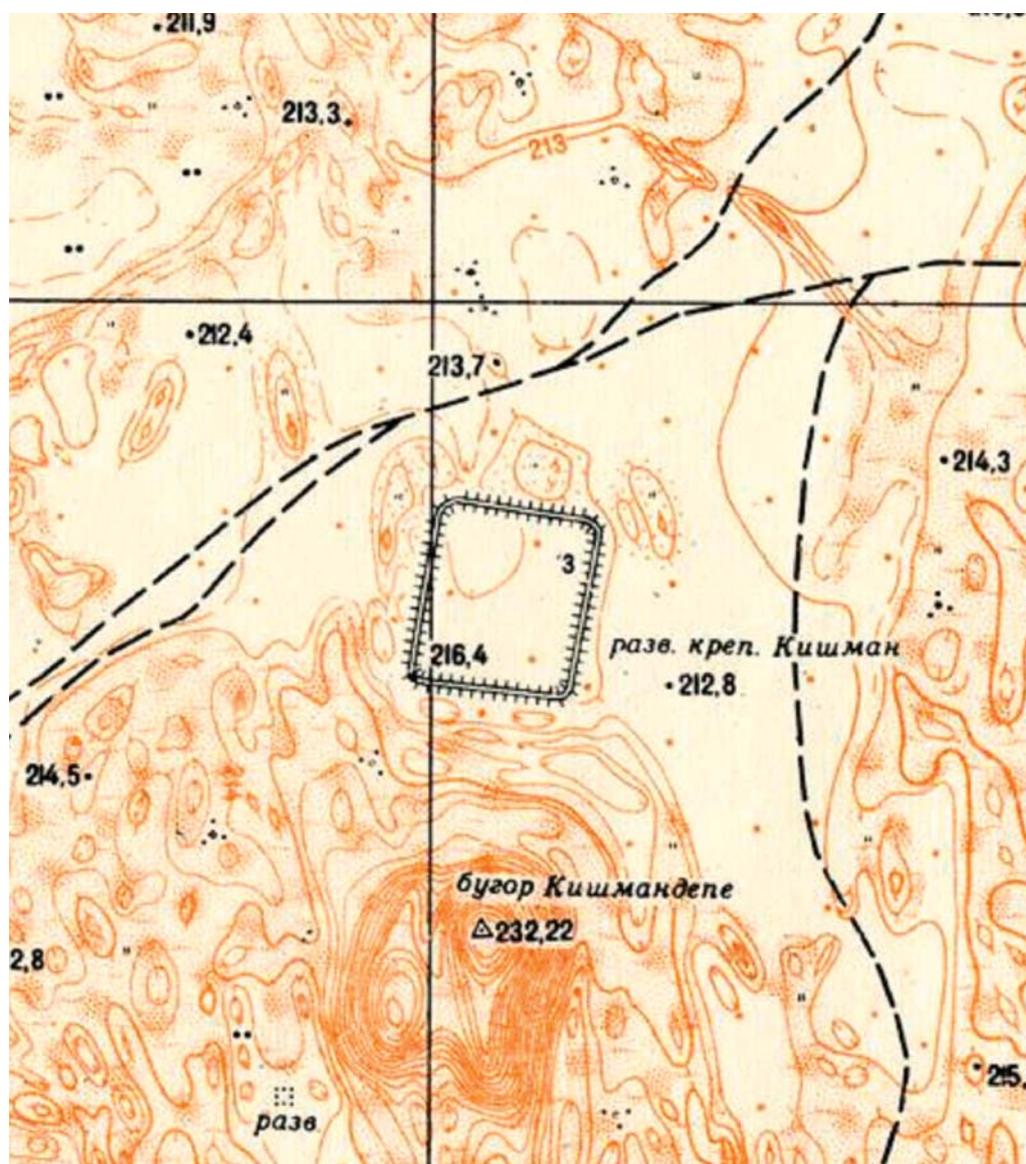


Рис. 2. Кёйне Кишман. Топографическая карта
 Fig. 2. Kueyne Kishman. Topographic map

делью, расположенной на высоком холме. По его мнению, вершина этого холма представляла самую высокую точку всего оазиса.

В качестве основного элемента в структуре всего памятника им выделена так называемая цитадель – неправильный четырехугольник с закругленными углами. Самая большая из сторон четырехугольника – восточная (174 м), самая короткая – северная (96 м). Въезд на цитадель, по мнению С.А. Вязигина, находился на северной стороне. Стены цитадели не сохранились.

На расстоянии примерно 200 м к северу от цитадели располагалось укрепление прямоугольной формы (146 x 172 м), ориентированное примерно по сторонам света (длинные стороны – меридиональные). Стены сложены из сырцового кирпича (размеры не указывались). По углам заметны следы башен. Внутри укрепления С.А. Вязигин не видел никаких следов застройки.

Им также замечены следы вала, зафиксированного на северо-востоке и востоке от цитадели и укрепления (на расстоянии примерно 400 м). В 100 м к юго-востоку от цитадели исследователем зафиксирована сложенная из сырцового кирпича круглая башня, сохранившаяся на высоту 11,5 м и окружностью у основания около 20 м. К югу от цитадели замечены остатки построек, занесенных песками. Им также отмечены остатки ворот на юге от цитадели (хотя ничего не говорится о стенах в этом месте). Размеры городища им определены приблизительно: север-юг – 1,5 км, запад-восток – 1 км.

Анализ подъемного материала привел С.А. Вязигина к выводу об одновременности всех руин, которые он датировал IX–XIII вв.

В дальнейшем памятник обследовался группой сотрудников ЮТАКЭ под руководством М.Е. Массона. В октябре 1952 г. она провела осмотр памятника во время исследования средневекового торгового пути из Мерва в Амударью⁹. Был снят глазомерный план, собран подъемный материал, проведены некоторые обмерные работы, а также были верифицированы некоторые наблюдения С.А. Вязигина. В частности, было выяснено, что в отношении въезда на дэпе, которое С.А. Вязигин считал цитаделью, произошла элементарная ошибка – в действительности отчетливо различимый въезд находился на юге.

Важнейшим итогом этого обследования стал вывод о одновременности входящих в состав памятника отдельных сооружений. Более раннее поселение имело форму неправильного овала. От него сохранился вал (видимо, представлявший собой остатки стены), имевший ширину до 3,5 м, а сохранившуюся высоту – до 1,5 м. Этот вал сохранился только частично, в южной своей части он полностью перекрыт остатками поселения более позднего времени. Размеры территории этого поселения приблизительно 1,5 км (запад-восток) и 1 км (север-юг). Относительно даты этого поселения М.Е. Массон выразился предельно кратко – «поры рабовладельческой формации»¹⁰.

В центре этого поселения располагалась крепость, которая «по особенностям фортификации» была отнесена к «позднепарфянскому типу, или, точнее, к позднеантичной поре». М.Е. Массон предполагал наличие остатков строений внутри крепости.

По его мнению, это поселение было заброшено в связи с «кризисом рабовладельческого общества». Новое поселение возникает в V–VI вв. н.э. к югу от старого. Ядром его стал дехканский замок («цитадель» – по С.А. Вязигину). Позднее вокруг этого замка сложился небольшой городок, имевший свою стену, которая не совпадала со стеной более раннего населенного пункта. Вне этих стен (на юге и юго-востоке) находились караван-сарай. Расцвет этого городка приходится на IX–X вв., затем, в XI–XII вв., он постепенно приходит в упадок. После монгольского завоевания жизнь здесь полностью прекращается.

⁹ Массон 1955, 6; 1966, 86–90.

¹⁰ Массон 1966, 87.

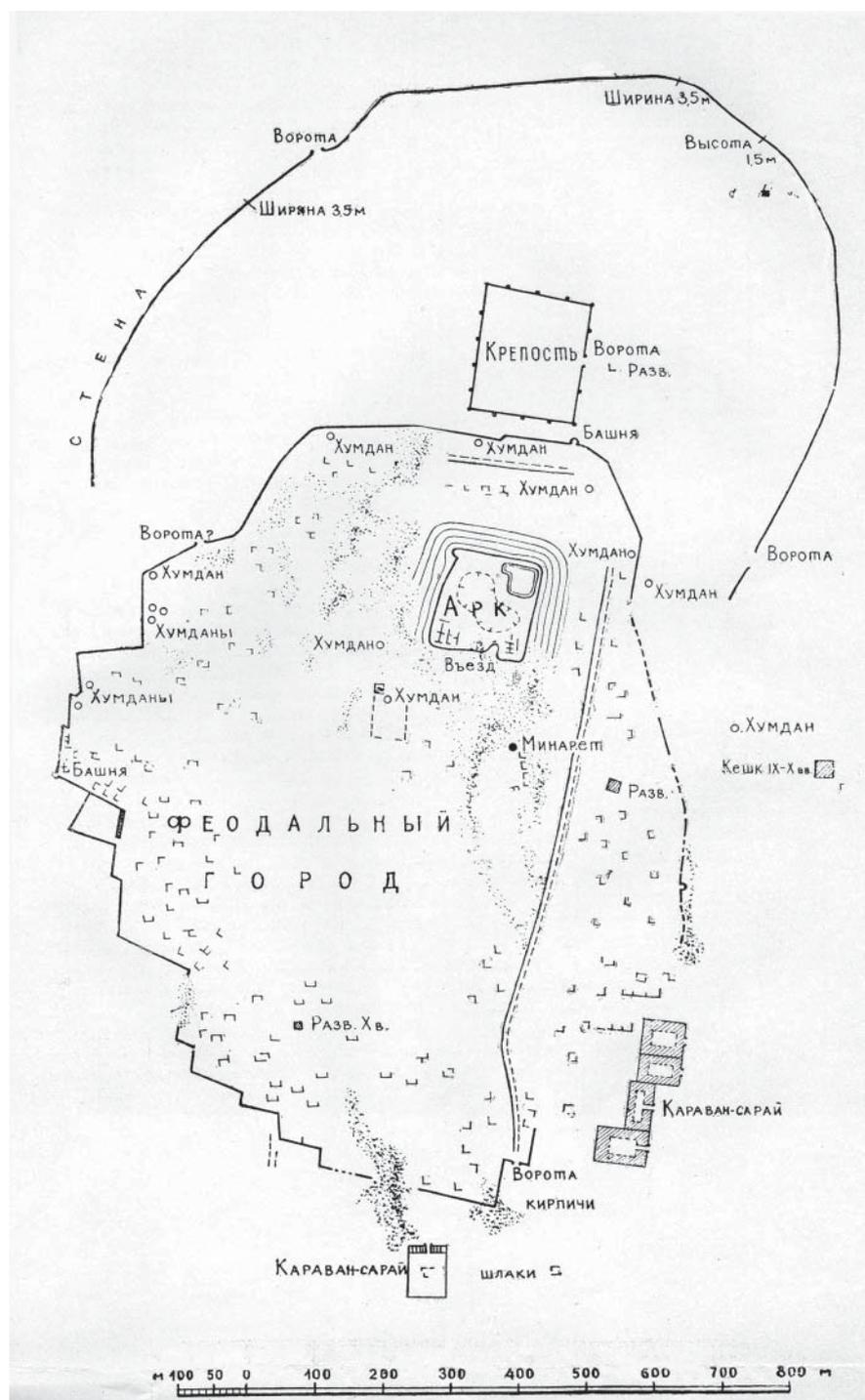


Рис. 3. План городища Кёйне Кишман/Кушмейхан (по: Массон 1966)
 Fig. 3. Plan of the Kuyeyne Kishman / Kushmeikhan (after Masson 1966)

В течение двух полевых сезонов 1956 и 1957 гг. на памятнике проводились раскопочные работы под руководством Д. Дурдыева (Институт истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР). Основным объектом исследований стала крепость, расположенная к северу от дepe, хотя автором раскопок были высказаны соображения и о других компонентах памятника¹¹. По представлению Д. Дурдыева, на территории памятника имелось два селища ахеменидской эпохи (на северном и южном краях его). Северное было окружено валом (частично сохранившимся). Саму крепость он относит к позднеасанидскому времени. К этому же времени он относит и замок, расположенный к югу от крепости. Позднее он был превращен в цитадель. Самым кратким образом упоминаются свидетельства средневековых авторов, говорящих о существовании города в арабское время.

Д. Дурдыевым были проведены раскопки, главным образом системы укреплений, заложен стратиграфический шурф, соби́рался подъемный материал.

Опубликованные результаты исследования Д. Дурдыева были подвергнуты жесточайшей критике со стороны М.Е. Массона¹². Критиковалась как методика проведения исследований, так и методы его интерпретации и публикации. Самые важные упреки (с нашей точки зрения, совершенно справедливые) состоят в том, что материалы стратиграфического шурфа абсолютно отсутствуют в публикации, что даже заставляет сомневаться в том, что он был осуществлен. Также поражают очень серьезные расхождения между текстом отчета и фотографиями, иллюстрирующими результаты проведенных работ. Много неточностей и в графической документации.

Для уточнения ряда положений М.Е. Массон в 1960 г. организовал выезд на памятник сотрудников и студентов-практикантов XVIII отряда ЮТАКЭ. В ходе этого визита объект внимательно осматривался, соби́рался подъемный материал, проводились зачистки и небольшие раскопки (в частности, разрез вала, окружавшего поселение ахеменидского периода).

Результаты этих исследований, как полагал М.Е. Массон, подтвердили его заключения 1952 года (рис. 3).

В 1980-е и начале 1990-х годов прошлого века памятник неоднократно посещался сотрудниками Среднеазиатской экспедиции ИА АН СССР/РАН, занимавшимися составлением археологической карты Маргианы. В ходе этих поездок соби́рался подъемный материал и проводились небольшие зачистки, в частности, фортификационных сооружений крепости. Однако эти работы проводились в условиях, гораздо более неблагоприятных, чем в период работ, проводимых ЮТАКЭ. В это время началось активное сельскохозяйственное освоение территории, были прорыты глубокие каналы, значительная часть территории к северу от крепости была подвергнута нивелированию, практически полностью исчез северный вал, а территория к югу подверглась особо интенсивному орошению, в результате чего уровень грунтовых вод сильно поднялся и некоторые места вокруг поселения оказались заболочены. Тем не менее внимательное обследование всего микрооазиса при использовании детальных аэрофотоснимков позволило внести определенные

¹¹ Дурдыев 1959, 136–169.

¹² Массон 1966, 88–91, 261–262.

коррективы в выводы предшественников¹³. Наше исследование группы памятников Кёйне Кишман показало, что в целом схема М.Е. Массона была правильной.

Исследователь был прав, датируя первое поселение в этом районе концом ахеменидской эпохи (или, по археологической классификации, периодом Яз–III). Многочисленные фрагменты керамики типа Яз–III неоднократно собирались в северной части памятника на большой площади¹⁴. Сложную проблему представляет вал, находящийся в северной части памятника, шириной в 3,5 м и сохранившийся на высоту до 1,5 м. Выполнен он был из пахсы. Первоначально предполагалось, что этот вал представляет собой укрепления поселения ахеменидского времени, однако в настоящее время имеются некоторые сомнения в справедливости этого вывода. При сельскохозяйственных работах к северу от крепости на поверхности оказалось большое количество керамики и стало ясно, что она распространена шире, нежели территория, окруженная валом. Это позволяет допустить, что вал может быть датирован и более поздним временем. Впрочем, не имея веских аргументов в пользу такого допущения, следует, очевидно, согласиться с датировкой исследователя. Однако расположение этого вала не вполне идентично тому, что предложил М.Е. Массон. Он полагал, что полуовал стен прерывался на юго-западе. Однако исследование маршрутной группы САЭ показало, что стена (вал) в этом месте резко меняет направление и продолжается дальше на восток, постепенно теряясь под руинами более поздних периодов. Таким образом, план этого укрепленного поселения оказался несколько сложнее, размеры его составляют 860 м с востока на запад и не менее 480 м по линии север-юг, а общая площадь может составлять более 27 га (рис. 4). Ворота, скорее всего, находились в северо-западной и северной части стен.

На основе дешифровки аэрофотоснимков на местности были зафиксированы следы древнего канала (или одного из палеорусел Мургаба), подходившего к поселению и пересекавшего его с юго-запада на северо-восток. Интересно отметить, что современный канал почти полностью повторял направление древнего.

Среди керамики, датируемой периодом Яз–III, следует отметить характерные для этого времени фрагменты венчиков крупных сосудов (типа хумчи), розовой глины со светлым ангобом, покрывающим внешнюю поверхность этих сосудов (рис. 5, 1–2). Керамика такого типа была обнаружена при раскопках Д. Дурдыева как на поверхности, так и в слое¹⁵.

Можно предположить, что это поселение доживает до раннеэллинистического периода. Достоверных обоснований этого предположения нет ввиду отсутствия находок, несомненно, относящихся к этому периоду, но известно, что керамика типа Яз–III использовалась и в раннеэллинистическое время. Возможно, два участка стены, пристроенные к стене ахеменидского времени в ее северо-

¹³ При этом в ряде важных пунктов ситуация остается не вполне ясной, некоторые результаты, которые были представлены в публикациях сотрудников экспедиции, написанных «по горячим следам» (Bader, Gaibov, Koshelenko 1992, 225–250; Bader, Gaibov, Koshelenko 1993/94, 51–70), нуждаются в определенном пересмотре.

¹⁴ Что касается второго ахеменидского поселения – в южной части, то, видимо, утверждение Д. Дурдыева о нем надо признать ошибочным. К югу от основного дупе «язовской» керамики практически нет.

¹⁵ Дурдыев 1959, табл. VIII.

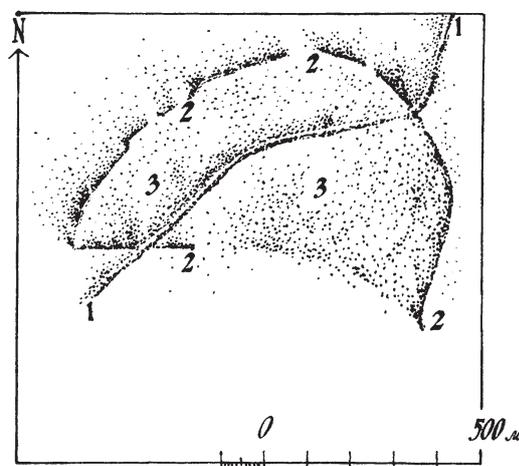


Рис. 4. Поселение ахеменидского времени (период Яз-III): 1) канал; 2) укрепления (вал); 3) поселение
 Fig. 4. Settlement of the Achaemenid time (Yaz-III period): 1) channel; 2) strengthening (shaft); 3) settlement

западной и юго-западной частях, могли быть возведены в самом начале эллинистического периода (рис. 6).

Есть все основания полагать, что в данном районе, как и во всей северной части оазиса, в эллинистическое время жизнь затухает, а обживаемая территория сокращается до ближайших окрестностей Гяур-калы/Антиохии. Возобновляется она только в парфянский период¹⁶.

Помимо керамики Яз-III, в этой части округа Кейне Кишман значительно реже встречается керамика раннепарфянского периода. В качестве примера можно указать на верхнюю часть сероглинной чаши со слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 5, 3). Керамика такого типа характерна для III-I вв. до н.э.¹⁷

Наличие раннепарфянской керамики на ограниченной территории позволяет думать, что поселение возродилось на значительно меньшей площади, а его укрепления утратили свою функцию (рис. 7).

Значительные изменения произошли в конце парфянского периода. В это время была возведена прямоугольная в плане крепость (вопреки мнению Д. Дурдыева, относившего ее к позднеасанидскому времени). М.Е. Массон преувеличивает неправильность ее плана, не приводя при этом ее размеров. Как видно на современных космо- и аэрофотоснимках (рис. 1; 8, 2), крепость представляла собой прямоугольник размерами 150x178 м, ориентированный длинными сторонами по оси С-Ю (рис. 9). Стены и башни крепости сложены из сырцового кирпича типичных для парфянского периода размеров: 40x40x10 см (с отклонениями от типовых размеров на несколько см в большую сторону). Толщина стен варьировала от 3,30 до 3,75 м. Насколько можно судить, высота собственно стены была равна приблизительно 7 м.

¹⁶ Бадер, Гаиров, Губаев, Кошеленко 1995, 18–23.

¹⁷ Кошеленко 1985, 237–238; табл. XCV.

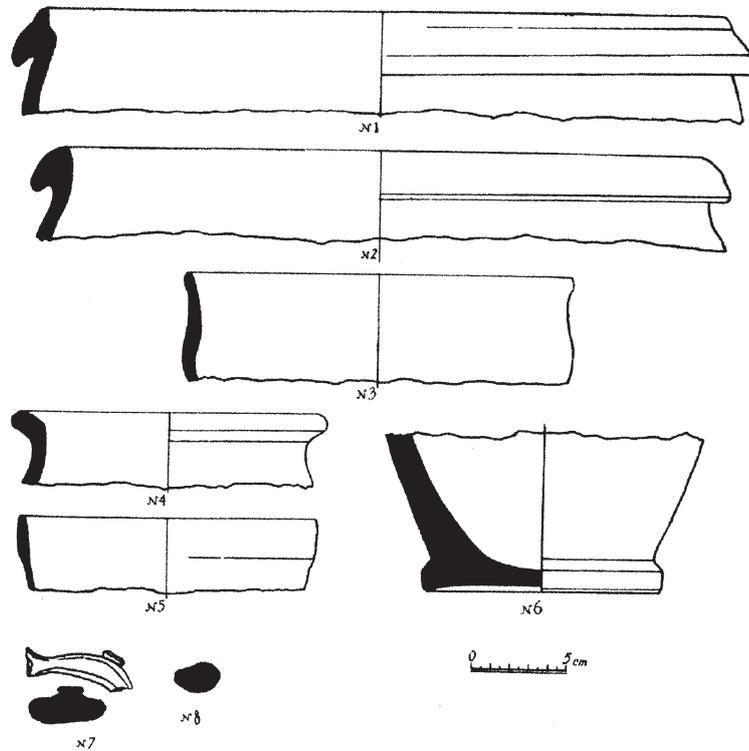


Рис. 5. Керамика ахеменидского, парфянского и сасанидского периодов
 Fig. 5. Ceramics of the Achaemenid, Parthian and Sassanian periods

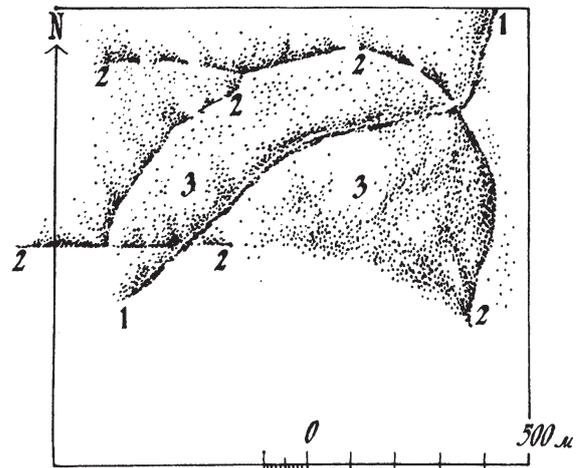


Рис. 6. Поселение ахеменидского-раннеэллинистического времени: 1) канал; 2) укрепления (вал, стены); 3) поселение
 Fig. 6. Settlement of the Achaemenid and Early Hellenistic time: 1) canal; 2) fortifications (shaft, walls); 3) settlement

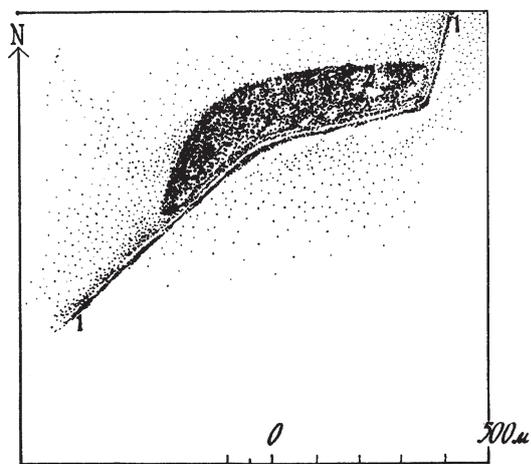


Рис. 7. Поселение раннепарфянского времени: 1) канал; 2) поселение
Fig. 7. Settlement of early Parthian times: 1) canal; 2) settlement

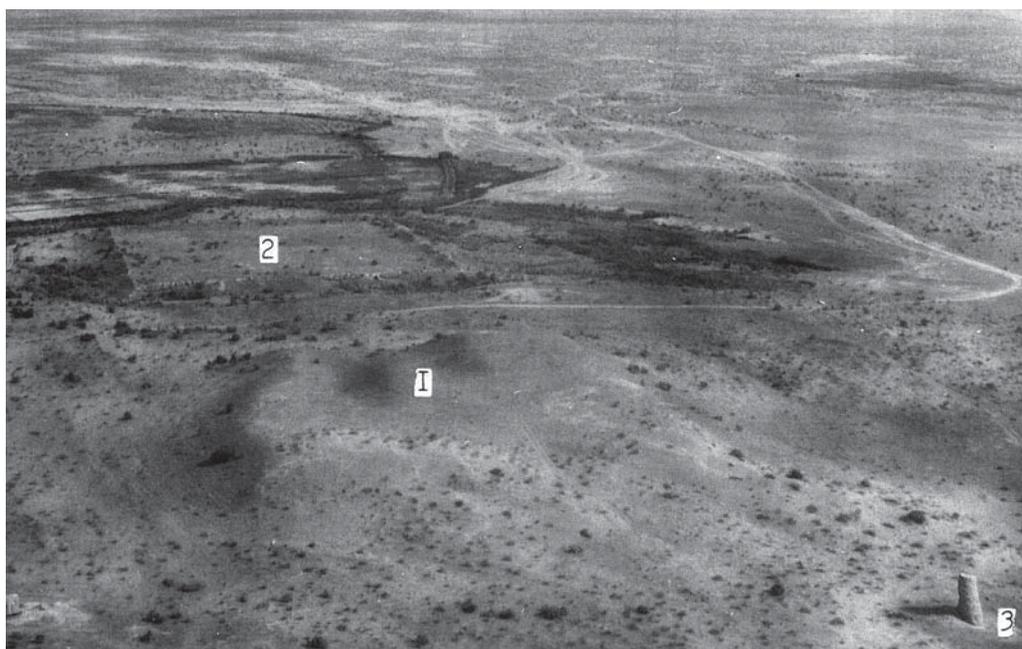


Рис. 8. Кёйне Кишман. Аэрофотоснимок. Вид с ЮЮЗ: 1) депе («замок») позднепарфянского времени; 2) крепость позднепарфянского времени; 3) минарет X–XI вв
Fig. 8. Kuyune Kishman. Aerial view. View from the SSW: 1) Depe («castle») of the Late Sassanian time; 2) a fortress of the late Parthian time; 3) minaret of the 10th and 11th centuries

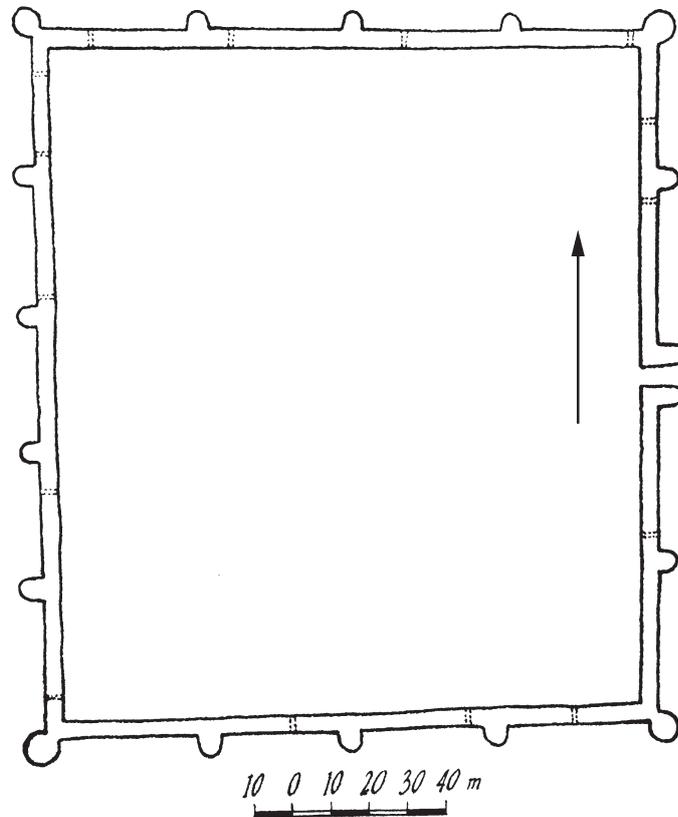


Рис. 9. Схематический план крепости парфянского времени (по: Дурдыев 1959)
 Fig. 9. Schematic plan of the fortress of the Parthian time (after Durdyev 1959)

Внутрстенные коридоры были достаточно узки (менее 1 м.). Соответственно, внешняя стена имела толщину около 1,3 м., а внутренняя – 1,1 м. Коридор не был сплошным, а членился на отдельные отсеки, делившиеся лестницами, ведущими наверх – к валгангу и башням. Наличие этих проходов является своеобразием фортификации этой крепости. Функция данных 15 проходов в стенах остается непонятной. Некоторые из них могли служить калитками, что достаточно обычно в крепостном строительстве древности. Другие же, возможно, представляют собой проходы к дополнительным башням, которые так и не были построены. Во всяком случае, они не могли серьезно ослабить мощь обороны, поскольку перед стенами, судя по микрорельефу, располагался ров. В последующий период некоторые части стен были отремонтированы с применением сырцового кирпича размерами 37x37x10 см.

Крепость имела многочисленные башни: помимо четырех угловых, на северной и южной стороне находилось по три, на западной и восточной – по четыре, при этом две башни на восточной стороне фланкировали крепостные ворота. Башни имели овальную форму (кроме угловых, которые больше приближались к кругу). Расстояние между башнями составляло от 25 до 39 м. Ширина башен у

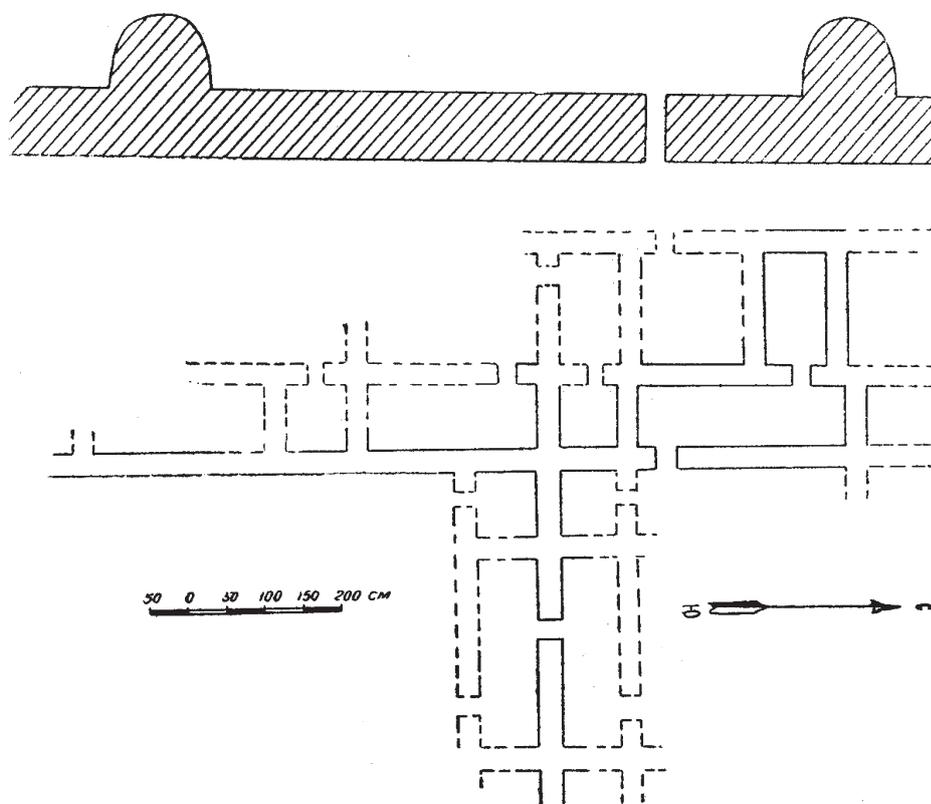


Рис. 10. План комплекса помещений у западной стены крепости (по: Дурдыев 1959)
 Fig. 10. Plan of the complex of premises near the western wall of the fortress (after Durdyev 1959)

стены: 4,5–5,5 м. За гладь стены они выступают на 4–4,5 м. Нижняя часть башен представляла собой монолит из сырцовых кирпичей. Размеры внутрибашенных помещений составляли примерно 4,1х2,3 м. Угловые башни были несколько более крупные, выступая за грань стены на 5–7 м.

Ворота располагались в середине восточной стены. Ширина ворот – 3,4 м. Они были фланкированы двумя башнями той же конструкции, что и все остальные, но больших размеров. Ширина их составляла 6 м, и выступали они на 5 м за гладь стены¹⁸. Внутрибашенное помещение (расчищенное ЮТАКЭ) имело размеры 5,1х2,6 м с двумя глубокими бойницами для лучников.

Д. Дурдыев расчистил остатки некоторых сооружений внутри крепости, рядом с ее западной стеной (рис. 10). Они были построены из сырцовых кирпичей размерами от 37х37х10 до 43х43х10 см. Однако план этих сооружений и их назначение остаются неясными.

¹⁸ Не совсем ясно, на каком основании Г.А. Пугаченкова утверждает, что ворота крепости «имеют усложненный коленчатый въезд, приближаясь по типу к тем предвратным лабиринтам, которые характерны для античных крепостей Хорезма» (Пугаченкова 1958, 55).

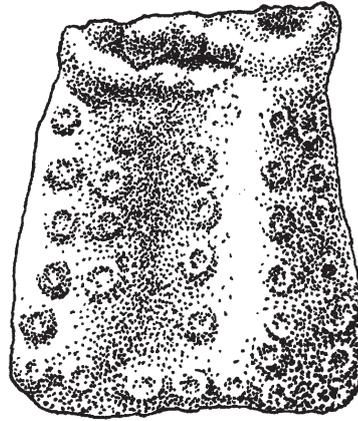


Рис. 11. Терракотовая статуэтка (фрагмент) парфянского времени (по: Дурдыев 1959)
 Fig. 11. Terracotta figurine (fragment) of the Parthian time (after Durdyev 1959)

Можно предполагать, что вал, упоминавшийся выше, представляет собой границу того поселения, которое выросло вокруг крепости¹⁹. Подъемный материал этому не противоречит. На территории крепости и непосредственно вокруг нее была собрана представительная коллекция керамики позднепарфянского и раннесасанидского времени. При этом значительную часть находок составляет керамика парфянского времени²⁰, фрагменты сосудов явно сасанидского времени встречаются гораздо реже. В этой коллекции наиболее интересным представляется венчик небольшого сосуда (вероятно, горлышко небольшой банки), изготовленного из розовой глины, покрытой светлым ангобом (рис. 5, 4). Такая керамика была типичной для I–III вв. н.э.²¹ Характерен еще один фрагмент: верхняя часть чаши из розовой глины со светлым, блестящим, очень тонким ангобом (рис. 5, 5)²².

Среди находок необходимо особо выделить монету, по определению Д. Дурдыева, она представляет собой подражание Гелиоклу того типа, который опубликовал В.М. Массон²³. Кроме того, интересна также и терракотовая статуэтка (точнее ее нижняя часть), типичная для позднепарфянского времени – в виде плоской плакетки (рис. 11)²⁴. Но помимо фрагмента статуэтки, найденной Д. Дурдыевым, на памятнике (в пределах крепости и рядом с ней) сотрудниками ЮТАКЭ было собрано еще несколько терракотовых статуэток с изображением «Великой Маргианской богини» типичного парфянского облика (к сожалению, ни одна из них не была воспроизведена). Также встречена фигурка юноши со вздытыми руками и головка льва с процарапанными усами²⁵.

¹⁹ Пугаченкова 1958, 54–55.

²⁰ Массон 1966, 97.

²¹ Кошеленко 1985, 237–238; табл. XCVI.

²² Дурдыев 1959, рис. 12.

²³ Массон 1956, 64, табл. 5.

²⁴ Дурдыев 1959, рис. 12.

²⁵ Массон 1966, 97.

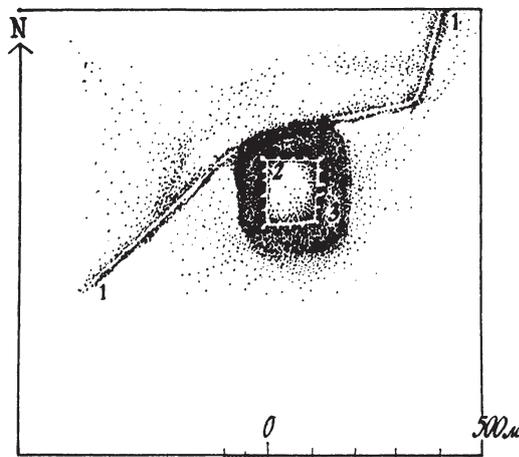


Рис. 12. Поселение позднепарфянского-раннесасанидского времени: 1) канал; 2) крепость 3) поселение

Fig. 12. Settlement of Late Parthian-Early Sassanian time: 1) canal; 2) fortress; 3) settlement

Массон полагал, что крепость была возведена в III в. н.э., при первых Сасанидах. Более вероятно, однако, что она была основана в позднепарфянское время (рис. 12), как и другие подобные крепости в северной части Мервского оазиса. В это время население снабжалось водой из того же канала, который функционировал в предыдущий период. Внутри крепости имелись сооружения, что позволяет рассматривать ее как относительно небольшой укрепленный город. Остатки зданий были обнаружены в ходе работ экспедиции Д. Дурдыева, и они хорошо видны на аэрофотоснимках, имевшихся в распоряжении САЭ.

Очевидно, данный населенный пункт, состоявший из центральной крепости и окруженного валом поселения вокруг нее, представляет собой город Арату (Ἀράθα, *Agatha*), который упоминает в своем сочинении «Географическое руководство» Клавдий Птолемей при перечислении городов, расположенных в Маргиане²⁶ (рис. 13). Не вдаваясь в детали, подробно изложенные в соответствующих публикациях, можно вкратце изложить суть метода, примененного при локализации городов Маргианы, упоминаемых в труде Птолемея. Главной составляющей любого пространственного анализа взаиморасположения любых объектов является анализ расстояний. Кратчайшим расстоянием между памятниками является расстояние по прямой. Если нарисовать на карте (условно) эти прямые между тремя любыми городами, то получим треугольники, вершинами которых будут города, а

²⁶ Гаилов, Требелева 2006, 157–164; Гаилов, Кошеленко, Требелева 2010, 117–121; Гаилов, Кошеленко, Требелева 2011, 65–95. Следует отметить, что первые попытки отождествления некоторых из городов, отмеченных на карте Птолемея, с городищами, обследованными ЮТАКЭ в 1950–1952 гг., предприняла Г.А. Пугаченкова. Опираясь исключительно на географические координаты карты, она сопоставила упоминаемые Птолемеем Ясонион с Чичанлык-депе, Арату – с Акча-депе, Сену – с Дурнали, Ариаку – с Кишман-депе (Улы-Кишман – авт.), и Антиохию, естественно, – с Гяур-кала. См.: Пугаченкова 1958, 28, 45. При этом никаких других аргументов в пользу такого отождествления приведено не было.

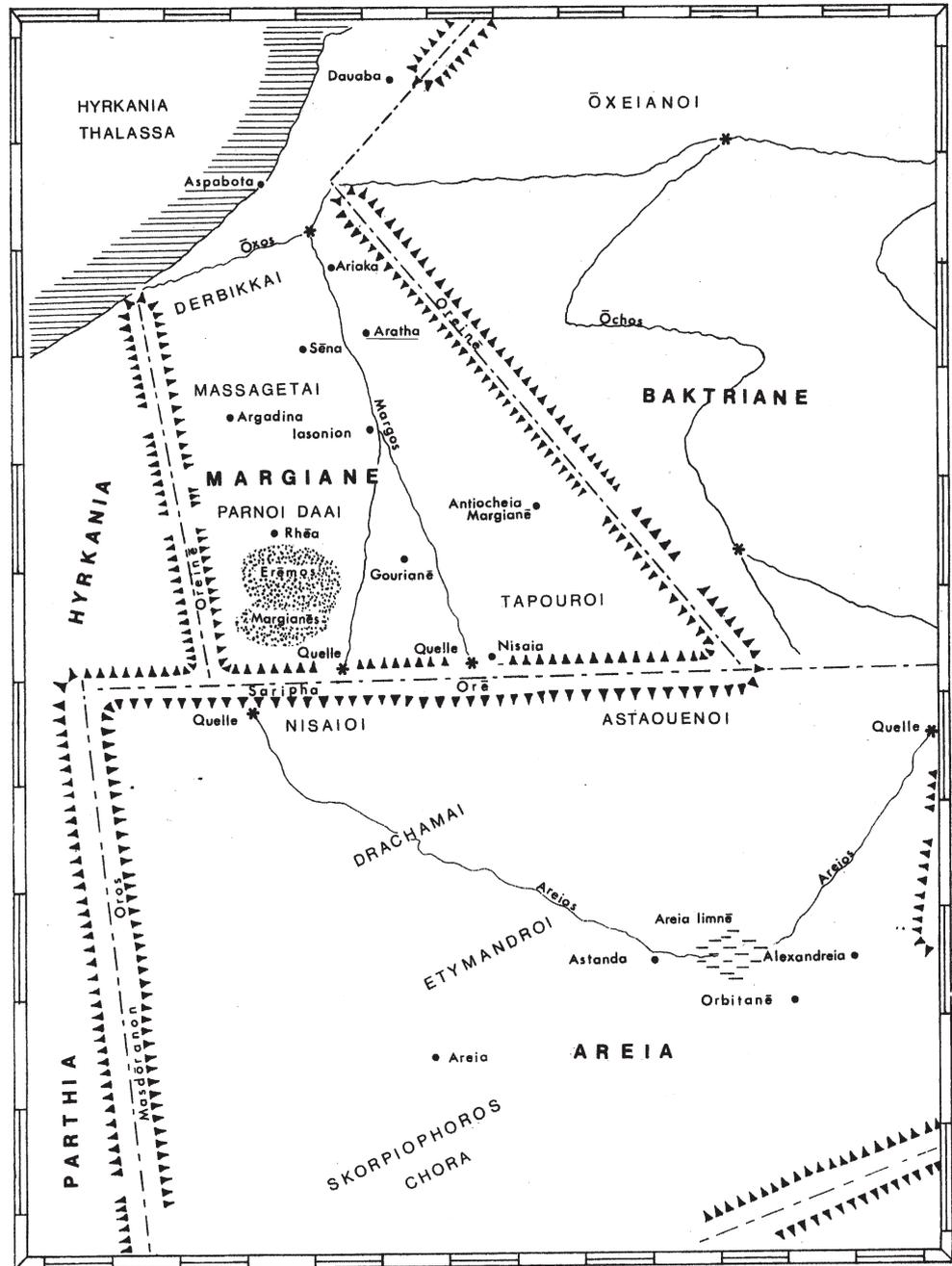


Рис. 13. Маргиана и прилегающие территории на карте Клавдия Птолемея (по: И. Ронка)
 Fig. 13. Margiana and adjacent territories on the map of Claudius Ptolemy (after I. Ronca)

сторонами – расстояния между ними. На карте Птолемея был построен треугольник, вершинами которого являлись Антиохия Маргианская, Арата и Сена. После этого был построен подобный треугольник и на «Археологической карте», составленной по результатам работ САЭ, где тремя вершинами стали городище Гяур-кала (с Эрк-калой), Кёйне Кишман и, наконец, Улы Кишман. После линейных измерений и анализа соотношения сторон был получен (при округлении до целого числа) единый коэффициент подобия, равный в нашем случае шести, т.е. 1 см на карте Птолемея соответствует 6 см на Археологической карте (рис. 14). Соответственно, со значительной долей вероятности можно говорить о том, что из равенства Гяур-кала = Антиохия Маргианская автоматически следует два других равенства: Арата = Кёйне Кишман (средневековый Кушмейхан), а Сена = Улы Кишман (средневековый Хурмузфарра).

Город Арата возникает в парфянское время и, видимо, продолжает существовать в раннесасанидское время.

Этот город, уже под названием Кушмейхан, упоминается и в средневековых письменных источниках. По свидетельству Динавери, возле Кушмейхана в первой четверти V в. произошла битва между сасанидским полководцем Бахрамом Гуром (впоследствии он стал царем Сасанидской империи и правил с 420 по 439 гг. под именем Варахрана V) и армией «хакана турок», закончившаяся полным разгромом последнего. Сасанидские войска преследовали разбитых врагов вплоть до Амуля²⁷.

Город был заброшен в VI или, может быть, в начале VII века²⁸. На территории крепости было обнаружено некоторое количество фрагментов керамики (рис. 5, 6–8). Наиболее характерной формой была верхняя часть ручки кувшина из розовой глины с легким ангобом, овальной в разрезе с глиняным налепом в виде «пуговицы». Такие ручки в маргианской керамике характерны с конца IV до первой половины VI в. н.э.²⁹

В 1985 году на территории крепости было обнаружено донце сосуда с оттиском эпиграфической печати. Кувшин, несомненно, датируется V–VI вв. Оттиск расположен в нескольких миллиметрах от края поля. Он представляет собой надпись на пехлеви из двух строк³⁰. Первая строка состоит из трех знаков, из которых читаются только второй и третий:] *m/t k/d*. Вторая строка, состоящая из трех или четырех знаков, нечитабельна. Надпись, вероятно, содержала имя владельца печати. Следует отметить, что в сасанидской сфрагистике надписи, как правило, сопровождали изображения, а чисто эпиграфические печати встречались довольно редко³¹.

В позднеасанидский период был образован новый центр расселения, располагавшийся к югу от крепости парфянского времени. Таким образом, в это время поселение состояло из двух частей: старой крепости с небольшой обжитой территорией вокруг нее и мощного замка в 200 м к югу от нее (рис. 15), возведенного, вероятно, не ранее V в. н.э.

²⁷ Шмидт 1958, 475; Массон 1966, 92–93.

²⁸ Массон 1966, 101–102.

²⁹ Филанович 1975, 103.

³⁰ Никитин, Согомонов 1987, 121.

³¹ Gignoux 1975, nn. 1.1. – 2.2.1.

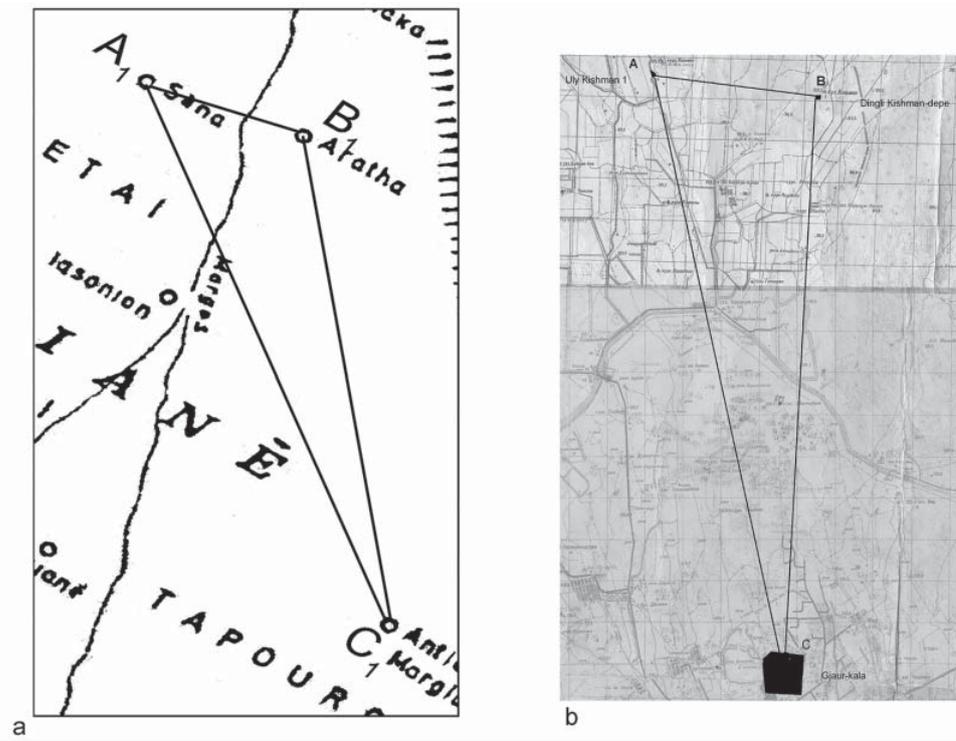


Рис. 14. Соотношение городов Арата и Сена на карте Птолея (а) и городищ Дингли Кишман и Улы Кишман на Археологической карте Мервского оазиса (b)

Fig. 14. The ratio of the cities of Arat and Seine on the map of Ptolemy (a) and the settlements of Dingli Kishman and Uly Kishman on the archaeological map of the Merv oasis (b)

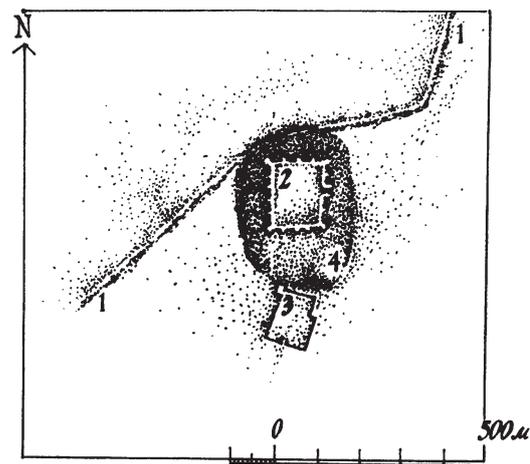


Рис. 15. Поселение позднесасанидского времени: 1) канал; 2) крепость; 3) замок (депе); 4) поселение

Fig. 15. Late Sassanian settlement: 1) canal; 2) fortress; 3) castle (depe); 4) settlement

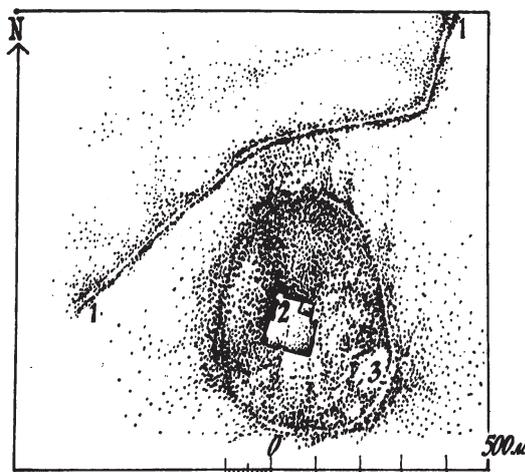


Рис. 16. Поселение раннеарабского времени: 1) канал; 2) замок («внутренний город»); 3) поселение

Fig. 16. Settlement of early Arab time: 1) channel; 2) castle («inner city»); 3) settlement

На момент обследования САЭ замок представлял собой огромный холм (депе), высотой до 20 м, прямоугольный в плане, ориентированный по длинной оси с ССВ на ЮЮВ (рис. 8, 1). Замок был построен на мощной платформе. Его размеры составляли примерно 105x125 м. К сожалению, никаких деталей его устройства указать нельзя, так как он многократно перестраивался и долгое время существовал в качестве арка города средневекового времени. В северо-восточном углу депе сохранились остатки большого подквадратного в плане здания, доминировавшего над всем комплексом. По периметру депе заметны остатки плохо сохранившихся стен. В его северной части есть довольно глубокий овраг. Общая площадь депе составляет около 5 га. Предположение о том, что этот замок был возведен на руинах ранней парфянской усадьбы, вполне вероятно, но не доказано³².

На территории депе была собрана большая коллекция позднеасанидской керамики (фрагменты чаш и больших кувшинов-хумов V–VII вв. н.э.). Найдены также клиновидные кирпичи, характерные для сасанидского времени.

Значительный рост поселения в округе Кёйне Кишмана наблюдается вскоре после арабского завоевания. Археологические исследования показали, что в этот период старая крепость была уже полностью заброшена, а вокруг замка разрастается новое большое поселение (рис. 16).

Это поселение упоминается в письменных источниках. Так, Табари писал, что в 696 году лагерь арабского отряда, который должен был идти на север через пустыню, располагался неподалеку от Кушмейхана³³. В 795 году, по словам Табари, аль-Харис ибн Сурайдж, который провел 12 лет «в стране кафиров», был встречен своими друзьями также неподалеку от Кушмейхана³⁴. Это место, кажет-

³² Массон 1966 102.

³³ Волин и др. 1939, 103.

³⁴ Волин и др. 1939, 120.

ся, сыграло важную роль во время борьбы Абу Муслима за свержение династии Омейядов. Согласно литературной традиции, именно из Кушмейхана группы сторонников Аббасидов выдвигались в Мерв. В своем романе об Абу Муслиме Шейх Тартуси писал, что в то время вокруг Кушмейхана было обильное орошение и цветущая растительность³⁵.

Период IX–XI вв. был, вероятно, временем расцвета Кушмейхана. Скромное поселение вокруг замка разрастается и превращается в небольшой город. Замок превратился во «внутренний» укрепленный город; в X в. город был обнесен стеной. Эта стена хорошо видна как на аэрофотоснимках, так и на местности. Она была хорошо заметна на севере, где проходила между «внутренним городом» и старой крепостью (к тому времени уже давно заброшенной). Здесь она образовывала почти прямую линию. Западный участок стены имел сложную конфигурацию с большим количеством изгибов и выступов (но их количество меньше, чем на плане М.Е. Массона). Восточная часть стены была менее извилистой, но она была почти полностью занесена зыбучими песками, и, следовательно, не все ее участки видны.

Южная часть стены почти не видна на местности, но она была довольно точно зафиксирована М.Е. Массоном (рис. 17). Кое-где различимы башни овальной формы. Кроме того, М.Е. Массон правильно локализовал расположение двух городских ворот.

К южной части стены подходил большой канал (вместо меньшего канала предыдущего периода). Он был образован слиянием двух малых каналов и проходил с юго-запада на северо-восток, почти параллельно бывшему каналу. Канал хорошо различим вплоть до южной части городской стены, где следы его теряются под зыбучими песками. Соответственно, неясно, протекал ли он через город или огибал его. Вероятно, этот канал снабжал водой Кушмейхан с округой и орошал сельскохозяйственную территорию.

Городская застройка протянулась с юга на север примерно на 1,1 км, с запада на восток – примерно на 0,95 км. Город в этот период занимал площадь около 80 га. Широкая главная улица, идущая от южных ворот прямо на север, являлась главным элементом городской планировки. М.Е. Массон проследил ее примерно на 900 м. Еще одна улица, идущая с запада на восток (к северу от цитадели), также была прослежена им примерно на 200 м. По его словам, торговая площадь располагалась в 50 м к югу от юго-западного угла цитадели. Размеры ее составляли 60x50 м, и она, вероятно, была огорожена. Внутри городских стен, в юго-западной части поселения, зафиксирован небольшой участок (70x40 м), где были найдены фрагменты надгробий. М.Е. Массон видел в нем остатки некогда почитаемого мазара, впоследствии забытого и заброшенного.

В середине западной части города сохранились остатки крупного здания, вокруг которого зафиксированы многочисленные фрагменты фигурного облицовочного кирпича. Среди отдельных зданий следует отметить также минарет (рис. 8, 3). Круглый в плане, он построен из сырцового кирпича (32x32x8 см). Диаметр его в основании составлял около 6,2 м, верхняя часть отсутствует; он сохранился

³⁵ Жуковский 1894, 162, прим. 1.

на высоту около 10 м. Вероятно, первоначально минарет был облицован обожженным кирпичом (28x28x5, 31x31x6 см)³⁶.

Несколько больших многокомнатных домов было обнаружено в восточной части города. Были также найдены остатки керамических печей.

Поселение в этот период не выходило за пределы городских стен. В 200 м к востоку от внешних стен сохранились развалины кёшка – типичного замка IX–X вв. для Мервского оазиса³⁷. В районе Кёйне Кишмана в этот период располагалось несколько караван-сараяв. Четыре из них располагались восточнее южных городских ворот. Отдельно стоящий караван-сарай зафиксирован к юго-западу от этих ворот.

Среди находок с территории города можно выделить аббасидский фельс и большое количество керамики – обычной и глазурованной. Из обычной керамики следует отметить фрагменты сосудов VII–VIII вв. (рис. 18, 5–7). Данная керамика находит близкие аналогии в керамике Мерва этого периода. Все они – кувшины серой и розовой глины со светлым ангобом³⁸. Была найдена также керамика, идентичная керамике Мерва X в. (рис. 18, 11–12)³⁹.

Глазурованная керамика в изобилии встречается на территории города. Исследователи ЮТАКЭ особо отмечали раннюю глазурованную керамику ишкорного типа. Зафиксированы и другие находки глазурованной и неглазурованной керамики IX–X и X–XI вв.

Коллекция керамики, собранная в ходе разведочных работ САЭ, в целом сходна с керамикой из коллекции ЮТАКЭ. Среди глазурованной керамики многочисленны чаши типичных форм, датируемые X–XI вв. (рис. 19, 1–5). Глина, как правило, розового или кремового цвета, глазурь обычно была зеленой, с декором коричневого (рис. 19, 3) и желтого цвета. Помимо зеленой, глазурь была также желтой, голубой, светло- и темно-синей.

Город Кушмейхан довольно часто упоминается в письменных источниках IX–XI вв. Ибн Хордадбех писал о нем как о поселении, расположенном в пяти фарсах от Мерва⁴⁰. Аль-Якуби особо отмечал кушмейханский изюм⁴¹. Кудама ибн Джафар также упоминает Кушмейхан как большое поселение в пяти фарсах от Мерва на пути в Амуль⁴². Аль-Истахри указывает, что в Кушмейхане была расположена соборная мечеть и что расстояние между Кушмейханом и Мервом составляло один день пути⁴³. Аль-Макдиси был того же мнения об этом расстоянии⁴⁴. В анонимном персидском географическом сочинении «Худуд аль-Алем» Кушмейхан упоминался среди других больших и малых городов округа Мерва. При этом отмечается, что все поля орошались водой из «реки Мерва»⁴⁵.

³⁶ Пугаченкова 1958, 168.

³⁷ Пугаченкова 1958, 160–161.

³⁸ Заурова 1962, 118, табл. 1, 3; 199, табл. 3,10; 206, табл. 9, 1.

³⁹ Лунина 1962, 231, рис. 8.

⁴⁰ Волин и др. 1939, 14.

⁴¹ Волин и др. 1939, 148.

⁴² Волин и др. 1939, 164.

⁴³ Волин и др. 1939, 174, 177.

⁴⁴ Волин и др. 1939, 207.

⁴⁵ Волин и др. 1939, 214.

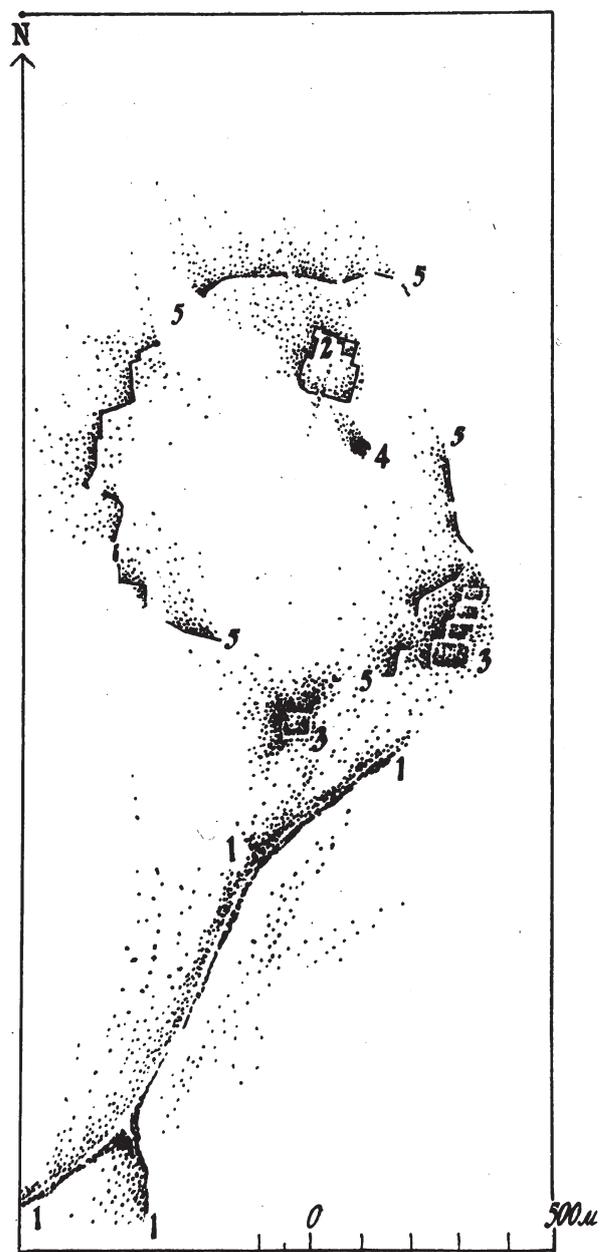


Рис. 17. Кушмейхан в IX–XI вв.: 1) канал; 2) «внутренний город»; 3) караван-сарай; 4) городская стена

Fig. 17. Kushmeikhan in the 9th – 11th centuries: 1) canal; 2) “inner city”; 3) caravanserais; 4) city wall

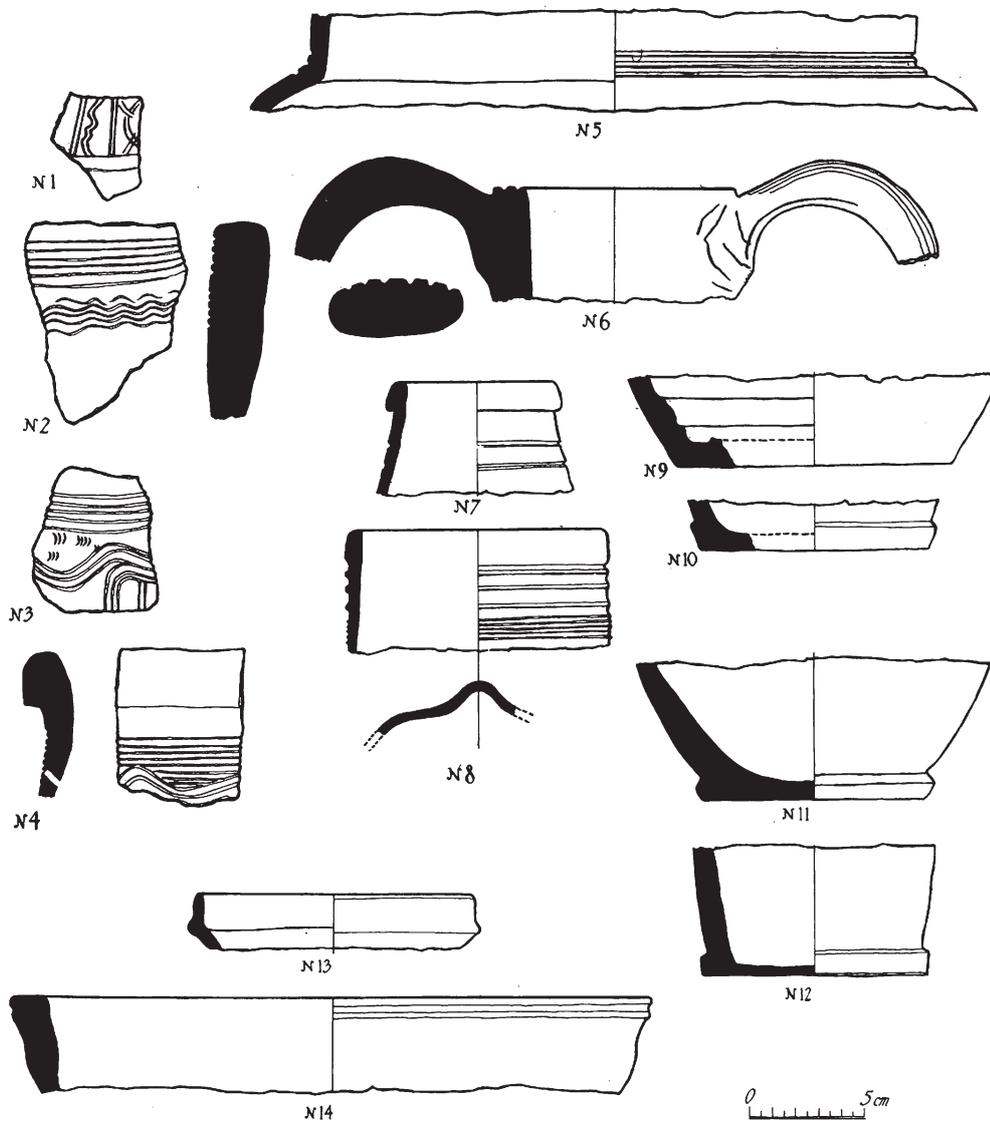


Рис. 18. Керамика средневекового времени
Fig. 18. Medieval ceramics

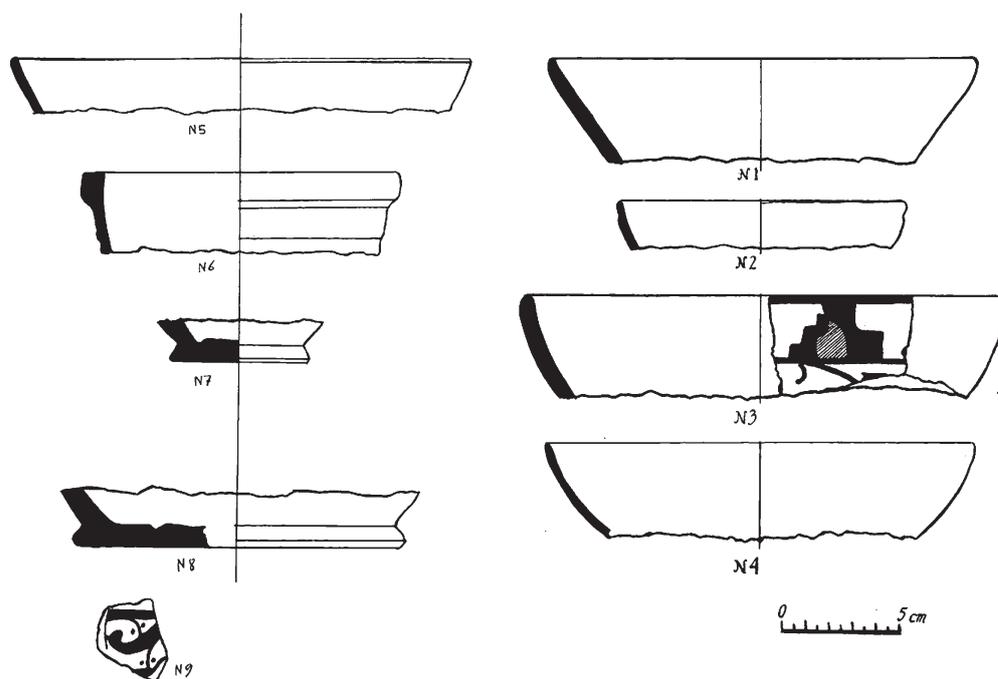


Рис. 19. Глазурованная керамика средневекового времени
 Fig. 19. Medieval glazed ceramics

Упадок города приходится, очевидно, на конец X в. Керамика этого времени встречается в районе Кёйне Кишман довольно редко, а к последующему времени относятся лишь единичные экземпляры. Этот упадок отмечается и в письменных источниках. Среднеазиатский автор XII в. ас-Самани описывал Кушмейхан следующим образом: «...Кушмихан – одно из селений Мерва, в 5 фарсах от него, в песках, если идти в Мавераннахр. Оно было старинным селением, (теперь) им уже овладело разрушение»⁴⁶.

Подводя итоги исследования окрестностей Кёйне-Кишмана, можно реконструировать его историю следующим образом:

1. Позднеахеменидский период. Основание первого поселения. Вероятно, это уже укрепленное поселение было передовым постом в восточной части Мервского оазиса.

2. Раннеэллинистический период. Укрепленное поселение предыдущего периода продолжало свое существование. К укреплениям предыдущего времени были добавлены новые секции стен. Городище, по-видимому, было включено в общую оборонительную систему Мервского оазиса, доминантой которой являлась так называемая «стена Антиоха». В какой-то момент наблюдался временный упадок поселения, его территория уменьшилась и укрепления были заброшены.

⁴⁶ Волин и др. 1939, 340.

3. Раннепарфянский период. Постепенное возрождение жизни на памятнике и в его округе.

4. Позднепарфянский – раннесасанидский период. Жизнь в регионе активизируется; строится крепость с новым поселением вокруг нее.

5. Позднесасанидский период. Крепость и поселение предшествующего времени продолжают функционировать, к югу от них возводится большой замок. Вероятно, он также был окружен поселением.

6. Раннеарабский период (VIII–IX вв.). Крепость была уже заброшена, а замок был перестроен во «внутренний город» с примыкающим к нему большим поселением. Постепенно он превратился в новый маленький городок.

7. Период X–XI вв. В начале периода были возведены новые внешние стены, опоясывающие всю городскую территорию. Город растет и развивается, но в XI веке он стремительно приходит в упадок, вероятно, в результате «огузского нашествия».

Данная периодизация истории Кёйне-Кишмана/Кушмейхана и его округа, полученная в результате проведенных разведочных работ, в целом совпадает с периодами жизни других подобных групп на территории Мервского оазиса. По-видимому, она вообще типична для истории Маргианы эпохи древности и средневековья. Отличия наблюдаются лишь в начальный и последний периоды функционирования памятника.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадер, А.Н., Гаибов, В.А., Губаев, А.Г., Кошеленко, Г.А. 1995: *Системы расселения и ирригации в Мервском оазисе (Туркменистан) от эпохи бронзы до средневековья*. М.
- Волин, С.Л., Ромаскевич, А.А., Якубовский, А.Ю. (ред.) 1939: *Материалы по истории туркмен и Туркмении*. Т. I. М.–Л.
- Вязигин, С.А. 1949: Стена Антиоха Сотера в древней Маргиане. В кн.: М.Е. Массон (ред.), *Труды ЮТАКЭ*. Т. I. Ашхабад, 267–270.
- Гаибов В.А. 2019: Крепость и поселение Дурнали: эволюция развития. *ПИФК* 3, 33–52.
- Гаибов, В., Кошеленко, Г. 2000: Маргиана – страна на краю ойкумены. *Наука в России* 3, 46–54.
- Гаибов, В.А. 2018: К вопросу об оборонительных сооружениях Маргианы. Крепость Чильбурдж. *ПИФК* 3, 157–169.
- Гаибов, В.А. 2018: Крепость Чанглы и ее округа: эволюция развития. *ПИФК* 4, 197–215.
- Гаибов, В.А., Кошеленко, Г.А., Требелева, Г.В. 2010: О городах парфянской Маргианы. В сб.: К. Абдуллаев (ред.), *Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии*. Ташкент, 117–121.
- Гаибов, В.А., Кошеленко, Г.А., Требелева, Г.В. 2011: О локализации городов Маргианы парфянского времени. *ПИФК* 2, 65–95.
- Гаибов, В.А., Требелева, Г.В. 2006: О локализации двух городов Маргианы (о некоторых возможностях ГИС-технологий). *РА* 3, 157–164.
- Дурдыев, Д. 1959: Городище Старого Кишмана (отчет о раскопках 1956–57 гг.). *Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР*. Т. V. Ашхабад, 136–159.
- Жуковский, В.А. 1894: *Древности Закаспийского Края. Развалины Старого Мерва*. (Материалы по археологии России. Т. 16). СПб.
- Заурова, Е.З. 1962: Керамические печи VII–VIII веков на городище Гяур-кала. В сб.: *Труды ЮТАКЭ*. Т. XI. Ашхабад, 174–216.

- Кошеленко, Г.А. (ред.) 1985: *Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии*. М.
- Лессар, П.М. 1884: Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах. *Известия Императорского Русского географического общества*. Т. XX. СПб.
- Лунина, С.Б. 1962: Гончарное производство в Мерве X – начала XIII вв. В сб.: *Труды ЮТАКЭ*. Т. XI. Ашхабад, 217–418.
- Массон, В.М. 1956: Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиохла. *Эпиграфика Востока* XI, 63–75.
- Массон, М.Е. 1955: Средневековый путь из Мерва на Амудью (Чарджоу). *Известия АН ТССР* 1, 3–13.
- Массон, М.Е. 1966: *Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР)*. (Труды ЮТАКЭ. Т. XIII). Ашхабад.
- Никитин, А.Б., Согомонов, А.Ю. 1987: Оттиски печатей и клейма на керамике сасанидского времени из Мервского оазиса. *ВДИ* 4, 118–123.
- Пугаченкова, Г.А. 1958: *Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма*. (Труды ЮТАКЭ. Т. VI). М.
- Филанович, М.И. 1974: *Гяур-кала*. В сб.: *Труды ЮТАКЭ*. Т. XV. Ашхабад, 15–139.
- Шмидт, А.Э. 1958: Материалы по истории Средней Азии и Ирана. *Ученые записки Института востоковедения АН СССР* XVI, 441–513.
- Bader, A., Gaibov, V., Koshelenko, G. 1992: Materials for an archaeological Map of the Merv Oasis: Köne Kishman. *Mesopotamia* 27, 225–250.
- Bader, A., Gaibov, V., Koshelenko, G. 1993/94: The Northern Periphery of the Merv Oasis from the Achaemenid Period to the Mongol Conquest. *Silk Road Art and Archaeology. Journal of the Institute of Silk Road Studies* 3, 51–70.
- Gignoux, Ph. 1975: Intailles sasanides de la collection Pirouzan. *Acta Iranica. Monumentum H.S. Nyberg* III, 13–32.
- Huntington, E. 1908: Description of the Kurgans of the Merv Oasis. In: R. Pumpelly (ed.), *Explorations in Turkestan: Expedition of 1904*. Vol. I. Washington, 219–232.

REFERENCES

- Bader, A., Gaibov, V., Koshelenko, G. 1992: Materials for an archaeological Map of the Merv Oasis: Köne Kishman. *Mesopotamia* 27, 225–250.
- Bader, A., Gaibov, V., Koshelenko, G. 1993/94: The Northern Periphery of the Merv Oasis from the Achaemenid Period to the Mongol Conquest. *Silk Road Art and Archaeology. Journal of the Institute of Silk Road Studies* 3, 51–70.
- Bader, A.N., Gaibov, V.A., Gubayev, A.G., Koshelenko, G.A. 1995: *Sistemy rasseleniya i irrigatsii v Mervskom oazise (Turkmenistan) ot epokhi bronzy do srednevekovia* [Settlement and irrigation systems in the Merv oasis (Turkmenistan) from the Bronze Age to the Middle Ages]. Moscow.
- Durdyev, D. 1959: Gorodishche Starogo Kishmana (otchet o raskopkakh 1956–57 gg.) [The settlement of Old Kishman (report on excavations 1956–57)]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN TSSR* [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the TSSR] V, 136–159.
- Filanovich, M.I. 1974: Gyaur-kala. In: *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* [Proceedings of the South Turkmenistan Archeological Complex Expedition] XV. Ashkhabad, 15–139.
- Gaibov, V., Koshelenko, G. 2000: Margiana – strana na krayu oykumeny [Margiana – a country on the edge of the oekumene]. *Nauka v Rossii* [Science in Russia] 3, 46–54.
- Gaibov, V., Koshelenko, G., Trebeleva, G. 2010: O gorodakh parfyanskoy Margiany [About the cities of Parthian Margiana]. In: K Abdullaev (red.), *Traditsii Vostoka i Zapada v antichnoy*

- kul'ture Sredney Azii* [The traditions of East and West in ancient culture of Central Asia]. Tashkent, 117–121.
- Gaibov, V.A. 2018: K voprosu ob oboronitelnykh sooruzheniyakh Margiany. Krepost Chilburzh [To the question of Margiana fortifications. Fortress Chilburj]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 157–169.
- Gaibov, V.A. 2018: Krepost Changly i ee okruga: evolyuciya razvitiya [Changly fortress and its districts: evolution of development]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 197–215.
- Gaibov, V.A. 2019: Krepost i poseleniye Durnali: evolyutsiya razvitiya [Fortress and settlement Durnali: evolution of development]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 33–52.
- Gaibov, V.A., Koshelenko, G.A., Trebeleva, G.V. 2011: O lokalizatsii gorodov Margiany parfyanskogo vremeni [On the localization of the cities of Margiana of Parthian time]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 65–95.
- Gaibov, V.A., Trebeleva, G.V. 2006: O lokalizatsii dvukh gorodov Margiany (o nekotorykh vozmozhnostyakh GIS-tekhnologiy) [About localization of two cities of Margiana (about some possibilities of GIS technologies)]. *Rossiyskaya Arkheologiya* [Russian Archaeology] 3, 157–164.
- Gignoux, Ph. 1975: Intailles sasanides de la collection Pirouzan. *Acta Iranica. Monumentum H.S. Nyberg III*, 13–32.
- Huntington, E. 1908: Description of the Kurgans of the Merv Oasis. In: R. Pumpelly (ed.), *Explorations in Turkestan: Expedition of 1904*. Vol. I. Washington, 219–232.
- Koshelenko, G.A. (ed.) 1985: *Arkheologiya SSSR. Drevneyshiy gosudarstva Kavkaza i Sredney Azii*. [Archeology of the USSR. Ancient States of the Caucasus and Central Asia]. Moscow.
- Lessar, P.M. 1884: Zametki o Zakaspiyskom kraye i sopredelnykh stranakh [Notes on the Transcaspian region and neighboring countries]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of the Imperial Russian geographical society]. T. XX. Saint Petersburg.
- Lunina, S.B. 1962: Goncharnoye proizvodstvo v Merve X – nachala XIII vv. [Pottery production in Merv 10th – early 8th centuries]. In: *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* [Proceedings of the South Turkmenistan Archeological Complex Expedition] XI. Ashkhabad, 217–418.
- Masson, M.E. 1955: Srednevekovyy put iz Merva na Amul (Chardzhou) [Medieval route from Merv to Amul (Chardzhou)]. In: *Izvestia AN TSSR* [Proceedings of the Academy of Sciences of Turkmen SSR] 1, 3–13.
- Masson, M.E. 1966: Srednevekoveye torgovye puti iz Merva v Khrezm i v Maverannakhr (v predelakh Turkmeniskoy SSR) [Medieval trade routes from Merv to Khorezm and to Maverannakhr (within the Turkmen SSR)]. In: *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* [Proceedings of the South Turkmenistan Archeological Complex Expedition] XIII. Ashkhabad.
- Masson, V.M. 1956: Drevnebaktriyskiye monety chekanennyye po tipu tetradrakhm Geliokla [Ancient Bactrian coins minted after the Heliclos tetradrachms]. *Epigrafika Vostoka* [Epigraphy of the East] XI. 63–75.
- Nikitin, A.B., Sogomonov, A.Yu. 1987: Ottiski pechaty i kleyma na keramike sasanidskogo vremeni iz Mervskogo oazisa [The stamps and hallmarks on pottery of the Sasanian time from the Merv Oasis]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 118–123.
- Pugachenkova, G.A. 1958: *Puti razvitiya arkhitektury Yuzhnogo Turkmenistana pory rabovladieniya i feodalizma* [Ways of architectural development of Southern Turkmenistan in time of slavery and feudalism]. (Trudy YuTAKE VI) [(Proceedings of the South Turkmenistan Archeological Complex Expedition VI)]. Moscow.

- Shmidt, A.E. 1958: Materialy po istorii Sredney Azii i Irana [Materials on the history of Central Asia and Iran]. *Uchenyye zapiski Instituta vostokovedeniya AN SSSR* [Scientific notes of the Institute of Oriental studies of the USSR Academy of Sciences] XVI, 441–513.
- Volin, S.L., Romaskevich, A.A., Yakubovsky, A.Yu. (eds.) 1939: *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii* [Materials on the history of the Turkmens and Turkmenia]. Moscow–Leningrad.
- Vyazigin, S.A. 1949: Stena Antiokha Sotera v drevney Margiane [Wall of Antiochus Soter in ancient Margiana]. In: M.E. Masson (ed.), *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* [Proceedings of the South Turkmenistan Archeological Complex Expedition] I. Ashkhabad, 260–275.
- Zaurova, E.Z. 1962: Keramicheskiye pechi VII–VIII vekov na gorodishche Gyaaur-kala [Ceramic kilns of the 7th–8th centuries at the Gyaaur-kala settlement]. In: *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* [Proceedings of the South Turkmenistan Archeological Complex Expedition] XI. Ashkhabad, 174–216.
- Zhukovskiy, V.A. 1894: *Drevnosti Zakaspiyskogo Kraya. Razvaliny Starogo Merva*. [Antiquities of the Transcaspian region. Ruins of Old Merv]. (Materialy po arkheologii Rossii) [Materials on the archeology of Russia] 16. Saint-Petersburg.

KYEYNE KISHMAN/KUSHMEIKHAN, THE FORTRESS ON THE MERV OASIS
NORTHEASTERN FRONTIER:
FROM THE ACHAEMENIDS TO ARAB CONQUEST

Vasif A. Gaibov

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
gaibov@mail.ru

Abstract. The article deals with an impressive group of ruins on the northeastern outskirts of the Merv Oasis (Margiana of ancient authors, modern Mary velayat of Turkmenistan), uniting several monuments of different times and different types, now known as Kyeyne Kishman (medieval Kushmeikhan). A complete archaeological survey of the area, carried out by the route groups of the Central Asian archaeological expedition of the Institute of Archeology USSR Academy of Sciences (RAS) in the 1980s and early 1990s of the last century, made it possible to restore the following picture of the dynamics of the development of this “micro-oasis”. The first fortified settlement in this area appeared at the end of the Achaemenid period, probably as an outpost in the eastern part of the Merv Oasis. At the beginning of the Hellenistic period, it continued to function, acquiring new fortifications. However, at some point, there was the time of decline: settlement territory reduced and the fortifications were abandoned. A gradual community reconstruction in the settlement and in its surroundings took place in the next, Early Parthian period. In the Late Parthian and Early Sassanian periods, life in the region became more active: a fortress was built with a new settlement around it. In the Late Sassanian period, the fortress and settlement continued to function, to the south of them a large castle was constructed with an adjoining settlement. By the Early Arab period (8th–9th centuries), the fortress had already been abandoned, and the castle had been rebuilt into an “inner city” with a large settlement adjacent to it. In the 10th century, new external walls were erected, girdling parts of the entire urban area. The city grew and developed, but in the 10th century it rapidly fell into decline, probably as a result of the “Oguz invasion”.

Keywords: Merv Oasis, Margiana, fortification, Kyeyne Kishman, Arata, Kushmeikhan